

УДК 330.13

Татьяна Артёмова

ЧИСТАЯ МОРАЛЬНАЯ НАУКА: О САМООПРАВДАНИИ "ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО" НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

Раскрывается содержание фундаментального научного знания как носителя нравственных ориентиров глобальных социально-экономических трансформаций. Осмысливается вклад ноосферной концепции и наследия классической немецкой философии в обоснование мировоззренческих принципов свободного научного поиска. Высветлено творческую миссию экономической теории как ценностного оплота модернизации хозяйственного бытия в направлении становления общества, приемлемого для жизни, – гармоничной институциональной архитектоники.

Ключевые слова: глобальные социально-экономические трансформации, модернизация, экономическая теория, фундаментальное научное знание

JEL: B410, B490.

Царство Разума является извечной целью хозяйственной жизнедеятельности человечества, его мечтой и движущим мотивом бытия, поднимаящим над нуждой и убогостью повседневной земной жизни. Несмотря на то, что давление царства необходимости закономерно воспроизводит и развивает стремления к бытовому комфортному существованию, память об утраченной свободе незримо направляет человека к восстановлению законов обустройства разумной жизни (берущих начало, как выявлено классической философской мыслью, в частности, трудами И.Канта, в категорическом императиве нравственности). Особого накала достигает жизненный порыв человечества в попытке реализовать свою разумную природу в периоды глобального общественного выбора, на развилках мировой истории, которые, по Марксу, знаменуют периоды смены общественно-экономических формаций. Сегодня достойным ответом человечества на глобальные вызовы бытия призвана стать нравственная модернизация его природы как предпосылка разрешения от бремени "длящегося модерна" в ходе решающего ноосферного прорыва. Особенностью современного этапа глобальных общественных трансформаций, таким образом, является то, что жизненно важные общественные устремления получают адекватную научную опору. Ибо наука становится тем глобальным субъектом, который способен творчески преобразовать глубинные пласты социально-экономического бытия, а вместе с тем и всей биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого.

Артёмова Татьяна Ивановна (vobulimans85@mail.ru) д-р экон. наук, доц.; главный научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины"

¹ Окончание. Начало статьи в журнале "Экономическая теория" № 2 за 2014 год.

Но какая из наук способна донести до всего сообщества и до каждого человека голос разума в форме категорического императива нравственности? Как указывает Кант, каждому само собой ясно, что такое долг, но то, что приносит истинную и прочную выгоду, если эта выгода должна простираться на все бытие сущего, на всю систему общественно-хозяйствования, всегда покрыто непроницаемым мраком, и требуется много ума, чтобы направленные на это практические правила более или менее удовлетворительно приспособить к целям жизни. Тем не менее нравственный закон требует от каждого самого точного соблюдения (Кант, 1995 (б). С. 153). Отображение, объяснение и деятельное восстановление императива нравственности (Категорического Императива), по мнению Канта, составляет главную сокровенную задачу метафизики нравственности – некоей "чистой практической философии", не состоящей ни в каких связях с антропологией, теологией, физикой или "сверхфизикой" (а тем более со скрытыми "подфизическими" качествами), которая одновременно есть не только необходимый субстрат всего теоретического, точно определенного познания обязанностей, но и дезидираты величайшей важности для действительного исполнения их предписаний (1995 (а). С. 74). То есть законы, которые призвана выявить метафизика, "повелевают категорически", имея не только для теоретического разума, но и для повседневной хозяйственной практики силу всеобщих законов природы – так сказать, "природного инстинкта". Следовательно, **метафизика нравственности**, претендующая на роль царицы фундаментального знания, – это совершенно особенная сфера промыслительной деятельности, которая, с одной стороны, не содержит в себе ни грана от эмпирических принципов и далека от спекулятивно-созерцательной философии, но, с другой, – всецело предстает общетеоретической системе знаний и определяет всю прикладную науку; она также совершенно игнорирует земную человеческую природу – "пренебрегает" антропологией, человеческими склонностями и стремлениями к счастливой жизни, между тем, ценностный язык, на котором она говорит, прост и понятен для каждого человека, а практические законы, которые она обосновывает, открывают пути к нормальным условиям воспроизводства жизненных благ для всех хозяйствующих субъектов.

Фундаментальная методологическая несостоятельность классической немецкой философии

Следуя логике Канта, нетрудно установить, что миссию формирования метафизики нравственности он возлагает на философию, которая в целом должна иметь тройственную структуру, объединяя:

собственно философию (практическую философию – практический разум);

моральную философию (этику);

метафизику (чистую практическую философию – чистый практический разум).

При этом, по мнению автора, храм метафизики нравственности как особой науки (по сути, царицы фундаментальных наук, а вместе с тем, и всей совокупности научного знания), человечеству ещё только предстоит воздвигнуть; его же трудами закладывается лишь фундамент этого храма. Но сама задача опознания указанной науки является для Канта бесконечно важной, ибо вся моральная философия "покоится" исключительно на ней, на "чистой" части философии; метафизика нравственности крайне

необходима также и потому, что сами общественные нравы (нормы людского поведения) остаются подверженными всякой порче до тех пор, пока отсутствует эта путеводная нить и высшая норма их правильной оценки (1995 (а). С. 57).

Итак, по замыслу Канта, на роль царицы фундаментальных наук, чистой моральной науки, претендует чистая практическая философия. Однако, примеряя на философию корону фундаментальной науки, Кант интуитивно ощущает, что "царский венец ей не по силам", ибо она не имеет собственной ценностной стержневой системы для деятельного отображения категорического императива нравственности, вследствие чего исходно оказывается в опасно неустойчивой ситуации, "тогда как её позиция должна быть твердой, хотя бы ей и не было за что держаться или на что опираться ни в небе, ни на земле". – Философия должна здесь показать свою чистоту как заключающая сама в себе свои законы, а не как возвестительница тех законов, которые ей нашептывает врожденное чувство или неизвестно какая попечительная природа и которые все вместе, хотя и лучше, чем ничего, все же не могут служить нам принципами, какие диктует разум и какие должны иметь непременно свой источник совершенно *a priori* и тем самым своё повелевающее значение: не ждать ничего от склонности человека, а ждать всего от верховной власти закона и должного уважения к нему или в противном случае осудить человека на презрение к самому себе и внутреннее отвращение (1995 (а). С. 87).

Человек и вообще всякое разумное существо существует как цель сама по себе, а не только как средство для любого применения со стороны той или другой воли; во всех своих поступках, направленных как на самого себя, так и на другие разумные существа он всегда должен рассматриваться как цель, рассуждает Кант. – Все предметы склонности имеют лишь обусловленную ценность. Сами же людские склонности как источники потребностей имеют столь мало абсолютной ценности, ради которой следовало бы желать их самих, что общее желание, которое должно иметь каждое разумное существо, – это быть совершенно свободным от них. "Предметы (die Wesen), существование которых хотя зависит не от нашей воли, а от природы, имеют тем не менее, если они не наделены разумом, только относительную ценность как средство и называются поэтому вещами, тогда как разумные существа называются лицами, так как их природа уже выделяет их как цели сами по себе, т.е. ... постольку ограничивает всякий произвол (и составляет предмет уважения)" (1995 (а). С. 89 – 90). В контексте сказанного высший практический принцип по отношению к человеческой воле – *категорический императив нравственности* – получает следующую формулировку: *поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству* (1995 (а). С. 90). Получается, что цели субъекта, который сам по себе есть цель, должны быть, насколько возможно, также и целями других субъектов, и этот принцип человечества и всякого разумного естества вообще как цели самой по себе, который составляет высшее ограничивающее условие свободы поступков каждого человека, взят не из опыта (1995 (а). С. 92).

Выходит, что основание всякого практического законодательства объективно лежит в правиле и форме всеобщности, которая и придает ему характер закона, субъективно же в цели; но субъектом всех целей является

каждое разумное существо как цель сама по себе. Воля разумного существа, следовательно, должна быть не просто подчинена закону, а подчинена ему так, как самой себе устанавливающая закон, то есть как подчинённая закону, творцом которого она может считать самое себя. Таким образом, принцип нравственности показывает причину, по которой человек своим долгом связан с законом: а именно, он подчинен только своему собственному и тем не менее всеобщему законодательству и обязан поступать, лишь сообразуясь со своей собственной волей, устанавливающей, однако, всеобщие законы согласно цели природы (1995 (а). С. 93).

Между тем, разрешить проблему, как теоретически, практически и организационно возможен Категорический Императив, каким образом нравственный закон может обуславливать истинную и прочную выгоду, если эта выгода должна распространяться на все бытие сущего, на всю систему общественного хозяйствования, как примирить между собой веления нравственного долга (ценности Доброй воли) с человеческими притязаниями на земное счастье философия оказывается не в состоянии. Между разумом в его чистой практической, теоретической и обыденной формах зияют бездны, замостить которые философия неспособна, ибо не располагает для этого адекватными скрепами – собственным ценностным ядром. Как же выходит Кант из такого весьма затруднительного положения? По авторским откровениям, "метафизика нравственности должна исследовать идею и принципы некоторой возможной чистой воли, а не действия и условия человеческого воления вообще, которые большей частью черпаются из психологии" (1995 (а). С. 58). То есть в дилемме "Истина – философия" автор поступается Истиной (Доброй волей), отдавая предпочтение философии, а методологическую несостоятельность последней относит на счет несостоятельности самого разума. То, что человеческий разум, пишет, в частности, Кант, не может сделать понятным безусловный практический закон (каким должен быть Категорический Императив) в его абсолютной необходимости – это не укор для нашей дедукции высшего принципа моральности, а упрек, который следовало бы сделать человеческому разуму вообще (1995 (а). С. 119). – На вопрос, как возможен категорический императив мы, правда, в состоянии ответить постольку, поскольку можно выдвинуть единственное предположение, при котором он возможен, а именно идею свободы, а также поскольку можно усмотреть необходимость такого предположения; этого достаточно для практического применения разума, т.е. для внушения (по сути, медитативного – Т.А.) убежденности в силе этого императива, стало быть, и нравственного закона. Однако как возможно это предположение – этого никогда не удастся постичь человеческому разуму (1995 (а). С. 117). И далее: Объяснить, каким образом чистый разум сам по себе, без других мотивов, откуда-то извне заимствованных, может быть практическим, т.е. как форма чистого практического разума без всякой материи (предмета) воли может сама по себе служить мотивом и возбуждать интерес, который назывался бы чисто моральным, – дать такое объяснение никакой человеческий разум совершенно не в состоянии, и все усилия и старания найти такое объяснение истины тщетны. Это то же самое, как если бы я пытался узнать, каким образом возможна сама свобода как причинность воли. Ведь в таком случае я покидаю философское основание для объяснения и не имею никакого другого (1995 (а). С. 118).

Однако, будучи не в состоянии объяснить пути деятельного (практического) восстановления императива нравственности, философия оказывается неспособной для познания идеи и принципов самой Доброй воли (мудрости). И в этой несостоятельности Кант также винит не философию, а разум, апеллирует к несовершенству человеческого мышления, которое по своей природе неспособно снабдить философию адекватным методологическим инструментарием. Идея умопостигаемого мира имеет своё серьезное основание, тем не менее у меня нет о нем никакого знания и я никогда не смогу приобрести его при всех стараниях моей естественной способности разума. От чистого разума, мыслящего этот идеал, по отвлечении всей материи, т.е. познания объектов, мне не остается ничего, кроме формы, а именно мыслить практический закон общезначимости максим и сообразно с ним разум по отношению к чистому умопостигаемому миру как возможную действующую, т.е. определяющую волю, причину; мотив здесь должен совершенно отсутствовать; ведь сама эта идея умопостигаемого мира должна была бы быть мотивом или тем, к чему разум первоначально проявлял бы интерес; однако сделать это понятным и есть как раз задача, которую мы не можем разрешить (1995 (а). С. 118).

То есть умопостигаемый мир, по Канту, в соответствии с предположениями теоретического (и соответствующими надеждами обыденного) разума наполнен некими "чистыми формами". Для укрепления в своих предположениях и надеждах относительно их истинного содержания теоретический и практический (обыденный) человеческий разум апеллируют к философии. Но в предельном откровении философия не обнаруживает внутри себя адекватной методологической платформы, оправдываясь ссылками на ограниченность познавательных возможностей самого разума, на который она опирается в своих суждениях. Вследствие этого отображенные разумом "чистые формы" на их поверку философией оказываются формами пустыми – призрачными; такой же призрачной для философии (следовательно, для человечества в целом) является и сама чистая моральная наука – метафизика нравственности. Действительно, из трех ранее заявленных составных частей философской деятельности Кант ограничивается идейно замкнутой на себя этикой – чистой практической философией внутреннего законодательства. Здесь, наконец, пишет он, мы приходим к крайней границе всякого морального исследования; установить её очень важно уже для того, чтобы, с одной стороны, разум не искал повсюду в чувственно воспринимаемом мире вредным для нравственности способом высшую побудительную причину и постижимый, но эмпирический интерес; с другой же стороны, чтобы он также не махал бессильно крыльями, не двигался с места в пустом для него пространстве трансцендентных понятий, называемых умопостигаемым миром, и не терялся среди призраков (1995 (а). С. 118–119).

Выходит, что исходно живописуемые классической немецкой философией как немислимые высоты духовного блаженства мир Доброй воли и развернутые вокруг него принципы всемирного нравственного законодательства вместо того, чтобы открыться для восхищенного и увлеченного в полет человеческого разума, внезапно буквально схлопываются, повергая его в бездны безобразных пространств – небытия. Но Кант не впадает в уныние от созерцания таких леденящих душу кульбитов, его разум невозмутим, не лишен оптимизма, даже самолюбования. Идея чистого умопостигаемого мира (*ноуменальной формы жизни* – Т. А.) как со-

вокупности всех мыслящих существ, к которой мы сами принадлежим как разумные существа (хотя, с другой стороны, мы также члены чувственно воспринимаемого мира), всегда остается полезной и дозволенной идеей для разумной веры, хотя всякое знание кончается у её границы, дабы прекрасный идеал всеобщего царства целей самих по себе (разумных существ), к которому мы можем принадлежать в качестве членов только тогда, когда точно руководствуемся в своём поведении максимами свободы, как если бы они были законами природы, мог возбудить в нас живой интерес к моральному закону (1995 (а). С. 119), рассуждает он. – Итак, мы не постигаем практической безусловной необходимости морального императива, но мы постигаем его непостижимость; больше этого уже нельзя по справедливости требовать от философии, которая стремится в принципах дойти до границы человеческого разума. И далее, в утешение, знаменитое: "Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне" (1995 (б). С. 257).

Между тем, трансформирование сферы ценностных общественных отношений в плоскость чистой практической философии внутреннего законодательства – моральных отношений, которые не могут быть расширены за пределы взаимных обязанностей людей, имеет вполне осязаемые актуальные практические последствия для хозяйственной жизни. Фундаментальная методологическая несостоятельность современного научного знания, которая обуславливается его опорой на философские скрижали, наследующие традиции "классического русла", закрывает для человечества пути глобальной ноосферной трансформации. И возможно было бы и далее учёным-теоретикам предаваться пиетическим размышлениям: "Долг! Ты возвышенное, великое слово... – где же твой достойный тебя источник и где корни твоего благородного происхождения, гордо отвергающего всякое родство со склонностями, и откуда возникают необходимые условия того достоинства, которое только люди могут дать себе?" (Кант, 1995(б). С. 195). Однако, глобальный экономический кризис, который является одним из звеньев в общем ряду нарастающих вызовов бытия, со всей определенностью ставит на повестку дня проблему возвращения человечества в разум истины – духовного преображения оснований современной общественной жизни.

Настоятельность глобальной общественной трансформации и нищета её духовного осмысления

Прояснение механизмов деятельной реализации категорического императива нравственности становится сегодня критически важным не просто для успешного развертывания программ социально-экономической модернизации, но для обеспечения самой жизнеспособности хозяйственной системы в её противостоянии нарастанию хаоса и процессуальности. Непреходящей ценностью обладает выявленная и бережно сохранённая классической немецкой философией "*новая формула общественной моральности*". Как справедливо замечает Кант, "тот, кто знает, что значит для математика формула, которая совершенно точно и безошибочно определяет то, что надо сделать для решения задачи, не будет считать чем-то незначительным и излишним формулу, которая делает это по отношению ко всякому долгу вообще" (1995 (б). С. 127). Между тем, указанная формула должна быть поставлена на службу обществу, и до тех пор, по-

ка в недрах классической философии она будет сиять своей музейной красотой, фундаментальное научное знание не сможет опознать свою историческую миссию, а хозяйственная жизнь будет подвергаться риску необратимого нравственного распада.

Действительно, со времени обоснования Категорического Императива в недрах классической философии прошло более двухсот лет, однако до сих пор он остается практически невостребованным человечеством вследствие отсутствия в мире способности желания организовывать жизнь по законам разума, а не в соответствии с субъективными представлениями об удовольствиях. Происходит это вследствие духовной слабости (импотенции) научного знания, его неспособности восстановить триединство добродетелей созерцательного ума – мудрости, науки и мышления, ибо указанные добродетели (деятельные навыки) совершенствуют разум в отношении рассмотрения истины и тем обуславливают его правильное действие (Аквинский Фома, 2008. С. 94). Но сегодня, когда утилитаристское отношение к науке как средоточию планетного разума достигает своего апогея, нарастание явлений ценностной деградации и, как следствие, хаоса (процессуальности) во всех сферах хозяйствования составляет главную, почти непреодолимую, преграду на пути глобальной общественной трансформации и тем обнажает угрозу самому существованию человечества (Артемова, 2011 и др.). Хотя в повседневной общественной жизни глубинные смыслы указанной трансформации остаются до конца не осознанными, в научной среде в пользу их актуализации свидетельствует активизация попыток ценностного самоопознания ("мысленного присвоения религии") субъектами научного знания посредством общественной презентации всем научным сообществом и каждой из наук своей этической составляющей (Малахов, 2009; Киященко, Мирская (ред.), 2008; Этический кодекс ученого Украины, 2009 и др.).

При этом ценностно позиционирующие себя научные сообщества как субъекты хозяйственного пространства, организованного по законам рынка (экономики знаний), адекватным образом реализуют целевую функцию, вступая в жесткую конкуренцию за перераспределение финансовых потоков и получение других рыночных выгод. Достигнутые экономические преимущества, помимо всего прочего, обеспечивают для отдельных научных сообществ возможности общеметодологического лидерства, что, в свою очередь, позволяет им в дальнейшем усиливать конкурентные позиции. То есть наиболее характерным признаком теоретического разума сегодня остается склонность к диалектике – ценностной раздвоенности мышления, вследствие которой усилия, связанные с вычленением этического ядра научного знания как объективного общеметодологического принципа восстановления оснований хозяйственной жизни в её трансцендентном смысле (в противовес засилью методологического экономизма – рыночного фундаментализма) с необходимостью сопрягаются с преследованием целей, ориентированных на экономический результат.

Указанное явление адекватно отображается современной интерпретацией понятия "этос науки", предложенного в своё время американским социологом Р. Мертоном. Термин "этос", отмечает, в частности, В. Оноприенко, означает набор правил и норм, которые действуют в определенной среде и аналогичны этическим, но по сути таковыми не являются (поскольку отсутствуют этические максимы и регуляторы). Императивы научного этоса – это своего рода минимальные нормы, гарантирующие

честную конкуренцию в науке, регулирующие профессиональное поведение учёного, выражающие отношение общественности к этому поведению и результатам научной работы. Придерживаясь этих норм, учёный рассчитывает на адекватную реакцию со стороны сообщества в своём стремлении получить научное признание (2009. С. 58). Похожими этическими императивами, помимо отдельных учёных, руководствуются также и другие субъекты научного знания, о чем свидетельствует, в частности, пример общественного позиционирования географии – "царицы наук" XVI–XVII веков, сегодня вновь заявляющей о своей исторической миссии.

Осознавая необходимость смены исчерпавшей себя технологической парадигмы общественного мировоззрения и руководствуясь гипотезой о том, что предназначением географии как субъекта социального знания является установление гармонии между природой и человеком, специалисты задаются вопросом: что мешает этой древней науке по праву занимать ведущие позиции в определении стратегии глобального и регионального развития планеты? И отвечают: недостаточный уровень её гуманизации, отсутствие четких нравственных принципов во взаимодействии с практикой, а также механизма ответственности перед будущими поколениями за интеграцию географических знаний и прогнозов в повседневную хозяйственную деятельность (Котляков, Тишков, 2009. С. 963–964). При этом в качестве главных принципов географической этики обозначены: обязательная передача географических знаний лицам, принимающим экономические решения, посредством их всемерного просвещения, а также формирование общего географического мышления с надеждой на то, что "гуманизация самой географии даст толчок к гуманизации разнообразных сфер её приложения" (Котляков, Тишков, 2009. С. 969–970). Аналогичные идеи вынашивают и многие другие научные сообщества, особенно те из них, кто активно претендует на роль методологических лидеров современности – общая теория систем, синергетика, философия постмодерна, математическая логика, цивилизационный подход в истории, социология постиндустриальной волны, термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций, экологическая экономика, экономическая физика, теория струн, биоэтика, антропогенетика, генетическая инженерия и многие другие.

Несмотря на то, что попытки внутреннего структурирования с целью эффективного позиционирования своего этоса (устойчивого нравственного характера) субъектами отраслевого научного знания значительно активизировались в течение последних десятилетий (Агацци, 2009), указанная тенденция не является прерогативой современности. Ещё древнегреческая философия, как замечает И. Кант, разделялась на три ветви: физику – науку о законах природы, этику – науку о законах нравственности, логику – науку, не имеющую никакой эмпирической части, но являющуюся канонем для рассудка или разума при всяком мышлении. Все промыслы, ремесла и искусства выиграли от разделения труда, размышляет учёный, – так не требует ли природа науки, чтобы и здесь эмпирическая часть всегда тщательно отделялась от рациональной и чтобы эмпирической физике предпосылалась метафизика природы, а практической антропологии – метафизика нравственности, очищенная от всего эмпирического? Решение этого вопроса необходимо для того, чтобы узнать, чего может добиться в том и другом случае чистый разум и из каких источников он сам *a priori* черпает своё учение (1995 (а). С 56).

Однако, с другой стороны, внутренне присущий всем разумным существам (к числу которых, как думается, можно отнести и научные сообщества) интерес к моральным законам, по Канту, есть вовсе не нравственное суждение, а моральное чувство, так как в нем "нужно видеть, скорее, субъективное действие, оказываемое законом на волю; объективные же основания его дает один только разум" (1995 (а). С. 117). "Чтобы хотеть того, для чего один лишь разум предписывает долженствование чувственно возбуждаемому разумному существу, – для этого требуется, конечно, способность разума возбуждать чувство удовольствия или расположения к исполнению долга, стало быть, причинность разума – определять чувственность сообразно с его принципами" (Кант, 1995 (а). С. 117). И самая эта причинность, отображаемая Категорическим Императивом, лежит в основе разумной природы жизни, то есть составляет глубинную сущность ноосферы, по Вернадскому. Однако моральное чувство, годное для формулирования ряда гипотетических императивов, не может служить одновременно основанием для Категорического Императива, повелевающего относить "каждую максиму воли как устанавливающей всеобщее законодательство ко всякой другой воле и также ко всякому поступку по отношению к самому себе, и притом не в силу какой-нибудь другой практической побудительной причины и не ради будущей выгоды, а исходя из идеи достоинства разумного существа, повинующегося только тому закону, какой оно в то же время само себе дает" (Кант, 1995 (а). С. 95).

Действительно, целевая установка гармонизации отношений между природой и человеком, являясь желаемой и желательной, может служить посылом для поступка в соответствии с "принципом воли, в некотором отношении доброй". В то же время совершенно неприемлемо хотеть любому разумному существу (например, научному географическому сообществу), чтобы гармония между природой и человеком стала "всеобщим законом природы" или чтобы она как такой закон была заложена в человеке природным инстинктом, ибо целью разумного существа является жизнь не в соответствии с естественной природой, а в соответствии со своим разумным естеством. В контексте Категорического Императива жизнь в соответствии с природой для всякого разумного сообщества является не благом, а злом. В этом, говорит Кант, состоит "отличие практически хорошего от приятного" – от того, что имеет влияние на волю посредством ощущения из чисто субъективных причин, значимых только для чувств отдельного человека, но не как принцип разума, имеющий силу для каждого (1995 (а). С. 77). Чистое представление о долге и вообще о нравственном законе, без всякой чуждой примеси эмпирических воздействий имеет на человеческое сердце благодаря одному только разуму гораздо более сильное влияние, чем все другие мотивы, которые можно было бы собрать с эмпирического поля, так что оно, убежденное в своём достоинстве, презирает эти последние и постепенно может сделаться их владыкой. В то же время смешанное учение о нравственности, составленное из мотивов, основанных на чувствах и склонностях, и из понятий разума, по своему характеру пагубно; оно делает неустойчивым состояние души под действием побудительных причин, которые нельзя подвести ни под какой принцип и которые только весьма случайно ведут к добру, а чаще всего могут привести к злу (Кант, 1995 (а). С. 74–75).

Из человеколюбия можно согласиться, что большинство людских поступков сообразно с долгом, но "стоит только ближе присмотреться к помыслам и желаниям людей, как мы всюду натолкнемся на их дорогое им Я, которое всегда бросается в глаза" (Кант, 1995 (а). С. 71). При этом принципы долга как нравственного закона распространяются, по Канту, не только на людей, но на все разумные существа, к числу которых, несомненно, относятся и все научные сообщества как очаги и центры планетного разума. На примере позиционирования географии можно убедиться, что провозглашаемые ею в качестве нравственных принципы (детерминация понимания эволюции Земли, её биосферы и концепции устойчивого развития гуманитарными идеями, нравственная мотивация географических прогнозов, самоограничение в использовании ресурсов и пр.) обуславливаются вполне прагматичными целями, связанными с обеспечением для географического сообщества ведущих позиций в определении стратегии глобального и регионального развития (Котляков, Тишков, 2009). Будучи возведенными в ранг всеобщего морального закона, указанные принципы с необходимостью разрушили бы и самих себя; по сути, они являются не нравственными принципами, а "гипотетически повелевающими императивами", отображающими практическую необходимость возможного поступка как средство для реализации некоей возможной цели.

Аналогичным образом обстоит дело с программными постулатами других научных сообществ, претендующих сегодня на формирование новой мировоззренческой парадигмы. Так, представители менеджмента и современных систем управления заявляют о формировании междисциплинарной парадигмы философии управления, нацеленной на создание "общей картины мира и места человека в мире" (Мирзоян, 2010. С. 46). Педагоги-психологи выступают с призывом сформировать группу энтузиастов-профессионалов для реализации национальной идеи не только России, но человечества в целом посредством формирования высоких этических принципов, общих для мировых религий, внедрения их в дошкольных учебных заведениях и в семьях, что позволит качественно улучшить состав населения и обеспечить воспитание людей облагороженного образца (Штеренберг, 2010. С. 165–166). Представители физических наук спешат объявить синергетику новой системой мировоззрения и возлагают большие надежды на возможности суперструнной космологии в деле фундаментального объяснения Вселенной (Ровинский, 2008). Апологеты биологических наук заявляют о создании биофилософии как новой метафизики – мировоззренческой науки о живом, воспроизводящей единую картину природы в контексте соответствующей системы ценностей и ориентиров, в которую человек может быть вписан как её специфический, но органический элемент (Гнатик, 2007. С. 72). Заручившись поддержкой философии (ибо "у врачей-психиатров, как и у профессиональных философов, нет никаких специальных вещественных инструментов познания человека. Только собственная голова и запечатленные в ней виртуальные знания"), об общественном статусе психиатрии как всеохватывающей мировоззренческой метамедицины возвещают специалисты-медики (Андреев, Назарова, 2013. С. 135). Подобные примеры можно продолжить.

При этом ранее названные и многие другие глобальные притязания научных сообществ и отдельных авторов зиждутся, как правило, на весьма вольной интерпретации исходных классических понятий. Так, напри-

мер, утверждается, что биофилософия призвана возродить традиционные ценности "благоговения перед жизнью", что будет способствовать "единению человека и живой природы" (Гнатик, 2007. С. 72, 78); что ценности в биологии имеют изначально антропоцентрический характер и одинаковы для представителей любого мировоззрения, в то время как наследственный фактор человека имеет связь с его индивидуальностью, нравственными качествами, творческим потенциалом (Гнатик, 2007. С. 72, 77); что в эпоху научно-технических революций лидирующие позиции страны в экономической сфере обеспечиваются посредством формирования безусловного рефлекса свободы (Штеренберг, 2010. С. 161). И т.д. и т.п. Однако произвол в толкованиях, манипулирование важнейшими научными понятиями, в своё время развернутыми в соответствующие теоретические системы, имеет не просто умозрительно-отвлеченный характер.

Представленное на страницах влиятельных научных и научно-популярных изданий предвзятое (легковесное) академическое мнение оказывает огромное влияние на умы учащейся молодежи, специалистов-управленцев, а через них – на практику реального хозяйствования на всех её уровнях, проникает во все сферы общественной жизнедеятельности. Достигая своей критической массы, хаос в умах выливается в жестокие хозяйственные кризисы, рефлексивный механизм которых давно пытается довести до сознания общественности Дж.Сорос (1999) и другие авторы. Но и в относительно благополучные времена господство предвзятого мнения является неизбывным злом, непрестанно разрушающим основы общественного доверия, несущим невосполнимые страдания и потери для человеческих душ. Внешне не всегда видимые, эти душевные болезни, порождаемые социальной несправедливостью и унижением человеческого достоинства, отвлекают человека от познания мудрости (Высшего блага), а вместе с тем – от опознания и реализации своей творческой миссии. Люди оплакивают падение нравов на протяжении всей истории, но сегодня в этом смысле заслуживает внимания фактор тотального распространения рыночных ценностей, пишет Дж.Сорос. – "Когда успех становится единственным критерием, по которому судят о действиях, нет ничего, что остановило бы рефлексивное взаимодействие от движения на далекую от равновесия территорию" (1999. С. 82, 89).

Между тем есть ещё одна особенность современного этапа хозяйствования, отличающая его в ценностном отношении от предшествующих. *Сегодня основным субъектом, разрушающим нравственные устои общества все более становится наука* в лице её образовательных и академических учреждений. Так называемая "постнеклассическая" наука, навязывая обществу своё предвзятое мнение, манипулируя понятиями классической теории, как бы "встает" между деятельным хозяйствующим субъектом и природой и затемняет, заслоняет истинное содержание бытия и субъекта, и природы, а вместе с тем искажает самый смысл наметившейся глобальной социально-экономической трансформации. Так, даже в контексте институционализации (облагорожения) поведения учёный сегодня не может рассчитывать на адекватную оценку своей деятельности со стороны сообщества, ибо само становящееся информационное общество предстает как амбивалентное, парадоксально устроенное. С одной стороны, его, вслед за У. Бекком, можно характеризовать как общество опасностей и катастроф (2000); с другой, следуя в русле, проложенном Ф.Эвальдом, – как застрахованное общество, в котором безо-

пасность поднята до уровня центральной ценности (1989). В целом же современная хозяйственная система позиционируется специалистами как общество риска, постоянно балансирующее на грани безопасности и ненадежности, неопределенности и выбора (Бехман, 2007). При этом все беды современного человечества по своей природе несопоставимы с угрозами и опасностями предшествующих времен, ибо они являются плодом его же рук (порождаются принятыми или не принятыми экономическими решениями) и имеют форму рисков. В понятии риска выражается, таким образом, новое качество сотворенной человеком в индустриальную эпоху природы как бытия экономического пространства-времени и новая природа самого хозяйствующего субъекта как человека экономического. В становление и широкое распространение феномена риска существенный вклад внесла и вносит наука, воспроизводящая себя в соответствии с конструктом экономики знаний. Прогнозируя экономические выгоды и потери будущего, наука одновременно актуализирует хозяйственные риски и должна уметь идентифицировать их с тем, чтобы нейтрализовать или обезопасить негативные последствия своей деятельности. И в этом состоит "парадокс пропитанного наукой общества" – единство и противостояние риска и рациональности.

С учётом вышесказанного, попытки субъектов современной экономики знаний сформировать платформу комфортного, приемлемого для жизни общества посредством отладки механизмов идентификации, институционализации и эффективного управления существующей совокупностью социально-экономических рисков остаются всего лишь благими намерениями. Они осуществляются параллельно с непрерывным продуцированием угроз и рисков. И все эти процессы в форме некой дурной бесконечности, бега по кругу с непрерывным возвращением к непережитому, неосмысленному, неразрешившемуся прошлому, к "разреженному" бытию, в котором люди живут по инерции – "вне сознания", "вне культуры" (Киселёв, 2010. С. 7), образуют социально-экономическую ткань длящегося модерна. Фундаментальные ценности могли бы стать надежным навигатором для человечества на его пути к новому модерну, однако, международное сообщество, насколько оно вообще существует, имеет очень мало таких ценностей, замечает Дж.Сорос (1999. С. 82–83).

Творческая миссия экономической теории

Таким образом, глобальный кризис, который обозначил пределы общего экономического равновесия хозяйствующего социума-универсума, со всей определенностью поставил на повестку дня заявившую о себе ещё в начале прошлого столетия проблему общественной трансформации, а вместе с тем и модернизации хозяйственного бытия как её необходимую предпосылку. Его внешняя, финансово-экономическая, оболочка стала формой проявления кризиса системы социально-экономических институтов и ценностей – общей мировоззренческой парадигмы современной научно-технической цивилизации, обусловленного её нравственным упадком, то есть бездуховностью. Теоретическое знание, организованное в соответствии с законами рынка (экономики знаний), вследствие его сегментации (рассеяния), секуляризации и плоского релятивизма, не способно продуцировать для обыденного практического разума, а вместе с тем, и для повседневного поведения хозяйствующих субъектов надежные ценностные установки в направлении построения общества, приемлемого для жизни. Необходимым условием становления

такого общества – гармоничной институциональной архитектоники (Гриценко (ред.), 2008) – является постижение и утверждение оснований новой, ноуменальной, формы жизни как прообраза царства Свободы, что возможно лишь посредством свободного научного поиска, вооруженного принципами адекватной научной этики.

В определенной форме проблема утверждения нравственных ориентиров научного поиска как достойного общественного ответа на глобальный вызов модернизации хозяйственного бытия была поставлена трудами В. Вернадского. Однако принятый учёным за основу натуралистический (естественнонаучный) подход к её разрешению стал непреодолимой преградой как для широкого развития самой ноосферной идеи, так и на пути её практического воплощения. Актуальным методологическим подспорьем для прояснения закономерностей становления новой формы общественной жизни является классическое наследие. Действительно, классическая немецкая философия в своё время обосновала императивы модификации человеческой природы в контексте её грядущей глобальной трансформации. В частности, трудами И. Канта в образе категорического императива нравственности были запечатлены основоположения научной этики и опознана сама наука (метафизика нравственности как чистый источник фундаментального научного знания), призванная отобразить содержание и обосновать возможность практической реализации принципов всемирного нравственного законодательства. Между тем, сформированные классической немецкой философией как закономерным продуктом эпохи Просвещения начала метафизики нравственности зиждутся на мировоззренческих принципах естественного права, то есть на поверку оказываются инобытием натуралистического взгляда на первоосновы общественной жизни.

Ограничивая познавательные возможности человеческого разума сферой моральных отношений, которые не могут быть расширены за пределы взаимных обязанностей людей, Кант отказывает мышлению в способности свободного научного поиска как пути познания Истины и тем исключает возможность исходно предполагаемой глобальной общественной трансформации. Формируя порочный круг методологии познания (когда обыденный и теоретический разум методологически восхищаются для укрепления в представлениях о нравственных принципах человеческого общежития, а идейная бессодержательность подлинных философских истоков оправдывается ссылками на природную ограниченность питающего их разума), философия не оставляет никакого утешения для человеческого мышления, обрекая его на перманентную саморазрушительную критику.

При этом философия, по мнению Канта, навсегда будет оставаться блюстительницей (евнухом) науки, ибо, отказываясь от сформированной ею, хотя бы и порочной, методологической практики, отринув призрачную философскую методологическую платформу, наука не получает взамен никакой мировоззренческой платформы вообще (1995 (б). С. 258). С учётом сказанного, не удивительно, что современные научные подходы, вооруженные инструментарием постнеклассического образца (наследующего многократно и произвольно трансформированное, вследствие его методологической податливости, идейное русло классической философии), тщетны в своих усилиях прояснить для общества содержание и возможность глобальной модернизации. Субъекты экономики знаний лишь усугубляют драматическую коллизию вызовов современности, маскируя ис-

тинный смысл общественной трансформации и питают каналы нравственного упадка в обществе. Между тем, надежда на утешение для подверженного диалектике человеческого разума остается.

В условиях, когда глобальные вызовы бытия становятся все более разрушительными, угрожая самому существованию системы общественного хозяйства, на место лидера фундаментального научного знания история с необходимостью возводит экономическую теорию. В том, что именно экономическая теория (политическая экономия) в единстве трех основополагающих своих ветвей – классической, неоклассической, институциональной – способна обеспечить преемственность с классической философией и не просто воспринять опознанный ею и бережно сохранённый категорический императив нравственности, но и объяснить его "возможность" – механизмы деятельной социально-экономической реализации, нет никаких сомнений. Уже сегодня экономическая наука располагает необходимым инструментарием для реализации этой миссии, аккумулируя сложнейший аппарат функционального анализа, диалектический (причинно-следственный) метод исследования, многообразие институциональных подходов, научные основы управления хозяйственными системами различных уровней; принципы социально-экономической инженерии (моделирования) с учётом закономерностей равновесного функционирования и устойчивого развития хозяйствующих субъектов и многое другое. Но *главным аргументом в пользу творческой миссии экономической теории является то, что она "показывает свою чистоту² как заключающая сама в себе свои законы"* – тем, что имеет в качестве объекта, предмета и методологии своего исследования понятие и отношения стоимости (экономической ценности).

Понятие (как образ отношений) стоимости (ценности), являясь системообразующим для любой отрасли теоретического знания и человеческого мышления в целом, идентифицирует (институционализирует) науку как одну из форм общественного сознания и обуславливает существенное отличие научного знания от искусства, опыта либо мнения. По отношению к мнению или вере всегда возможно иное мнение и другая вера, говорит Аристотель. – Более того, мнение может быть ложным и истинным, убеждение в нем не может быть "незыблемым"; между тем знание представляет собой прочную и незыблемую истину. То, что составляет предмет научного знания, существует с необходимостью, а значит, вечно, ибо по своему предмету научное знание есть знание о бытии (1983. С. 175). Бытие является тем общим предметом и основой аналогии, которая связывает в единство различные роды научного знания, обуславливает их иерархию, делает возможной классификацию.

В метафизике, в классификации наук и знаний, по мнению Аристотеля, над всем главенствует чистая (вне физического мира пребывающая) "форма". Несмотря на свою "бестелесность", она в свёрнутом виде суть одновременно и самое простое бытие, и бытие, наиболее реальное, чистая действительность. Ряд помещённых ниже её форм есть ряд нис-

² Образ экономической теории как чистой моральной науки исходно (со времен зарождения теоретического разума) восхищался научной мыслью. Размышления о науке, имеющей в качестве основного предмета понятие блага, красной нитью проходят сквозь этические сочинения Аристотеля. Л.Вальрас более определенно фокусирует внимание общественной научной мысли названием основного труда всей своей жизни – "Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства".

ходящий, вследствие все более увеличивающейся телесности, которая присоединяется к этим формам. Иерархия наук соответствует иерархии форм бытия. Место каждой науки в этой классификации определяется близостью её предмета к "чистой форме", т.е. степенью "формальности" её предмета, ибо наивысшим предметом метафизики, по Аристотелю, является сущность, созерцательно постигаемая лишь умом, мышлением о мышлении. Поддерживая исторический диалог, Кант осмысливает предмет метафизики (чистого источника фундаментального знания) более широко – в контексте законов Доброй воли самой по себе, законов нравственности, а, следовательно, свободы. Между тем, природно присущая классической немецкой философии нравственная слепота не позволяет ей адекватно отобразить содержание указанных законов. Методологически опекая научное знание (а вместе с тем, и правила обустройства человеческого хозяйственного бытия), философия смещает фокус общественного внимания с исходно предполагаемых чистых форм Доброй воли на безобразные этические нормы внутреннего законодательства. Не так обстоит дело с понятием и отношениями стоимости (экономической ценности), которые по своей природе трансцендентны, суть превращенные чистые формы и одновременно Благо.

Понятие "благо" – то, что включает в себе положительный смысл, "добро" для субъектов общественного хозяйства и последнего как целостной системы – конкретизирует содержание и способы постижения отношений стоимости (экономической ценности). Экономическая ценность как экономическое благо (исходное условие и полезный результат человеческой хозяйственной деятельности) в процессе общественного обмена проявляет свою сущность как взаимообусловленное и взаимоперетекающее (институциональное) триединство стоимости, предельной полезности и цены. Экономическая ценность как благо есть результат ценностного выбора в системе "природа – человек – общество", осуществляемого на основе взаимодействия ценностей, норм и оценок и отображающего взаимосвязь выбора целей хозяйственной деятельности и средств их реализации в условиях экономических альтернатив. Взаимопревращаясь из субъективного ощущения-"точки" в объективное общественное отношение, она разворачивается в систему общественных институтов (многомерное бытие хозяйства) и восходит за "пределы" человеческой истории, бытия сущего – к Высшему благу (Артёмова, 2006).

В отличие от всей совокупности наук, которые в своей теоретической (рациональной) части лишь косвенно (неявно, опосредовано) идентифицируются стоимостными (ценностными) отношениями как сущностным основанием хозяйственного бытия, экономическая теория (политическая экономия) указанные отношения имеет в качестве центральной проблемы: собственного непосредственного объекта, предмета, метода, меры. Под влиянием стоимостных отношений политическая экономия сформировалась как наука, познала Закон хозяйственной жизни и отобразила его в собственном имени. Отношения стоимости являются неиссякаемым источником жизненной силы и мудрости экономической теории, внутренним беспокойством её чистой формы, сокровенным средством деятельно-трудового восстановления мира, предваряющего освобождение "природы творящей" (*natura naturans*) от оков "природы сотворенной" (*natura naturata*).

В условиях, когда экономика не играла главенствующей роли в формировании системы общественных отношений и институтов, теория

ценности развивалась преимущественно усилиями философии и религии. Со временем экономические отношения в системе общественного хозяйствования приобретают всеобщий характер, а стоимость образует содержание целевой функции этой системы. Одновременно полномочия в объяснении ценностных механизмов функционирования и развития общественного хозяйства переходят к экономической теории. Однако внешне этот процесс был неразличим, ибо единая ценностная теория вызрела обособленно в пространстве и времени, в состоянии идеологической неприязни (доходящей до открытой вражды) формирующих её научных школ и течений (Самуэльсон, Нордхаус, 2000. С. 638–657 и др.). И лишь сегодня, когда теории стоимости, предельной полезности и цены вполне вызрели в недрах экономической науки, а процессуальность хозяйственной жизнедеятельности достигает своего апогея, развертываясь в глобальных масштабах, приходит время единой теории экономической ценности. Глобальный общественный запрос кардинально меняет место и роль экономической теории в обществе: она "становится" впереди всех наук, чтобы озарять пути развития всех сфер хозяйственной жизнедеятельности светом экономической ценности.

Наивысшим предметом метафизики, по Аристотелю (а вместе с тем, и в соответствии с постулатами классической немецкой философии), является сущность, созерцательно постигаемая лишь умом – мышлением о мышлении (1976. С. 40–49). Между тем, указанный подход отображает пределы умопостигаемого мира, формирует для науки и человеческого мышления (практического разума) замкнутую систему, склонную к накоплению энтропии и саморазрушению; тем самым разрушительному воздействию в период глобальных трансформаций подвергается и вся система общественного хозяйства. В свете экономической ценности, отображаемой политической экономией, теоретический разум обретает подлинную свободу для научного поиска, а общественное хозяйствование – нравственные ориентиры экономического поведения. Экономическое благо как экономическая ценность, единая в трояком определении предельной полезности, стоимости и цены, является истинным предметом экономической теории (политической экономии) и одновременно той адекватной мерой, которую она прилагает для взывания экономики как своего объекта. Понятие и отношения экономического блага как ценности имеют соответствующую взаимообусловленную иерархию, которая позволяет рассматривать общественное хозяйство как открытую, внутри себя свободную, систему, сообразную с гармоничной институциональной архитектурой и способную к её воплощению.

Главным аргументом в пользу творческой миссии экономической теории в период глобальной общественной модернизации является то, что она имеет внутреннее ценностное ядро – единое в трояком определении предельной полезности, стоимости и цены, которое в свёрнутом виде содержит и адекватно отображает логикой превращенных экономических³ форм генезис и исторические судьбы общественного хозяйства как бытия экономического пространства-времени. В определенной форме проблема взаимосвязи бытия экономического пространства-времени и отношений стоимости была обозначена в работах А.Гриценко (2001 и др.). Последовательное обоснование и развертывание указанной

³ В контексте ценностной методологии понятие "экономический" внутри себя (в свёрнутом виде) с необходимостью содержит социальную составляющую.

взаимосвязи создает предпосылки для формирования методологии экономической ценности как ядра новой философии хозяйства, а вместе с тем, нового образа мышления и стиля жизни, восстанавливающих преемственность равновесного функционирования и устойчивого развития субъектов хозяйствования на всех его уровнях, от наноуровня до глобального. Логико-исторический процесс формообразования экономической ценности является актуальным, ибо он представляет собой одновременно "разворачивание истории в современность" (Гриценко, 1997), а следовательно, составляет сердцевину теории переходной экономики, способную обосновать механизмы эффективного обуздания хозяйственной процессуальности. Воспроизводя и анализируя этот процесс, экономическая теория способна сформировать предпосылки нового миропонимания и мироустройства (Артёмова, 2006).

Теория экономической ценности, знаменуя формирование принципиально новой методологии познания, выявляет пределы вражды, обличительной критики и идеологического противостояния не только в пределах экономической науки, но критике разума в целом. Рождается не критическая экономия, которая, однако, в самой себе несет строгий суд Совести, ибо оплодотворяет жесткий рационализм экономического (а вместе с тем, всего теоретического) знания светом великой любви и тем дает достойный ответ человечества на глобальные вызовы бытия.

Однако для того, чтобы современная экономическая наука воссияла внутренним светом экономической ценности, необходимы определенные предпосылки, важнейшими из которых являются:

- преодоление научных амбиций представителями трех крупнейших экономических школ, а вместе с тем идеологической неприязни и отчуждения между ценностными подходами в исследованиях;
- методологическая "чистка" ценностного ядра каждой из названных школ, освобождение теории стоимости, предельной полезности и цены от сложившихся в прошлом стереотипов их понимания;
- возрождение теории стоимости и цены на объединяющей методологической платформе экономической ценности (блага) как бытия экономического пространства-времени.

Институт экономического выбора как геном хозяйственной системы фокусирует все многообразие форм и проявлений общественных ценностных отношений и тем закладывает основы единой научной (институциональной) картины мира. Эта картина не может создаваться самопроизвольно – хаотично и разрозненно. Наука – могучая деятельная (производительная) сила. В.Вернадский сравнивал её преобразующую мощь с природной геологической силой, способной закономерно направлять ход жизненных процессов и кардинально изменять самый облик Планеты. Но без адекватных ценностных ориентиров научная деятельность и сопряженный с нею научно-технический прогресс могут уподобиться слепой стихии – стать таким же мощным орудием разрушения и саморазрушения. *Духовное преображение общества посредством опознания фундаментальным научным знанием своей творческой миссии как источника нравственных устоев хозяйственного человеческого общежития (по Канту, нравственных принципов всеобщего законодательства) составляет ценностное основание глобальной модернизации социально-экономи-*

ческого бытия в направлении становления ноосферы как общества, приемлемого для жизни.

Но до тех пор, пока экономическая теория (политическая экономия) не опознает свою творческую миссию чистого источника фундаментального научного знания, пока она дистанцируется от своей центральной проблемы, не рассматривая её как достойную неустанного научного внимания, доколе расколота остается триединая по своей природе стоимостная методологическая платформа, весь накопленный экономической наукой (и теоретическим разумом в целом) мощный методологический арсенал является обоюдоострым орудием, перманентно подрывающим устои общественного доверия, а, следовательно, и равновесия в хозяйственной системе. Сама же экономическая теория предстает рассадницей зла (по Марксу, вульгарной политической экономией).

То, что современная экономическая наука, пребывая в неведении относительно истинного содержания своей главной проблемы, упустив из виду собственный предмет, словно не осознает бедственного положения, – высоко позиционирует себя в обществе, действует расчетливо и хладнокровно, наслаждаясь красотой внешних своих форм, ничего не меняет в сути дела. Как замечает И.Кант, обуздание аффектов, страстей, самообладание и трезвое размышление составляют часть внутренней ценности личности, однако без принципов Доброй воли эти качества могут стать злом (так, хладнокровие злодея делает его не только более опасным, но и более омерзительным) (1995 (а). С. 60).

Литература

- Агацци Э. (2009) Почему у науки есть и этические измерения? // Вопросы философии. № 10. С. 93–104.
- Аквинский Фома (2008) Сумма теологии. Часть II-I. Вопросы 49–89. К.: Ника-Центр.
- Андреев И., Назарова Л. (2013) Психическое здоровье человека // Свободная мысль. №5. С. 131–146.
- Аристотель (1976) Метафизика // Аристотель Сочинения: В 4-х тт. Т.1. М.: Мысль.
- Аристотель (1983) Никомахова этика // Аристотель Сочинения: В 4-х тт. Т.4. М.: Мысль. С. 53–293.
- Артёмова Т.И. (2006) Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. К.: Основа.
- Артёмова Т.И. (2011) Методологическая анатомия глобального финансово-экономического кризиса // Экономическая теория. № 2. С. 16–33.
- Бек У. (2000) Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция.
- Бехман Г. (2007) Современное общество как общество риска // Вопросы философии. № 1. С. 26–46.
- Гнатик Е.Н. (2007) Роль ценностного подхода в антропогенетике и генной инженерии // Вопросы философии. № 8. С. 70–78.
- Гриценко А.А. (1997) Структура рыночной трансформации инверсионного типа // Экономика Украины № 1. С. 4–10.
- Гриценко А.А. (2001) Эволюция стоимости // Экономика Украины. № 4. С. 45–55.
- Гриценко А.А. (2008) (ред.). Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований Харьков: Форт.
- Етичний кодекс ученого України (2009) // Вісник Національної Академії Наук України. № 7. С. 61–68.
- Кант И. (1995) (а) Основы метафизики нравственности // Критика практического разума. СПб.: Наука. С. 53–119.
- Кант И. (1995) (б) Критика практического разума // Критика практического разума. СПб.: Наука. С. 121–258.
- Киселёв Г.С. (2010) Вторая вселенная: драма свободы // Вопросы философии. № 3. С. 3–17.
- Киященко Л.П., Мирская Е.З. (2008) (ред.) Этнос науки. М.: Academia.

- Котляков В.М., Тишков А.А. (2009) Стратегия устойчивого развития: этика географического подхода // Вестник Российской Академии Наук. № 11. С. 963–970.
- Малахов В. (2009) Этический кодекс ученого: аксиология і прагматика // Вісник Національної академії наук України. № 5. С. 12–19.
- Мирзоян В.А. (2010) Управление как предмет философского анализа // Вопросы философии. № 4. С. 35–47.
- Онопrienko В. (2009) Етос науки в епоху змін // Вісник Національної Академії Наук України. № 6. С. 58–62.
- Ровинский Р.Е. (2008) Мировоззренческие проблемы физической науки, наследуемые XXI веком // Вопросы философии. № 3. С. 128–132.
- Самуэльсон П., Нордхаус В. (2000) Экономика. М.: Лаборатория Базовых Знаний.
- Сорос Дж. (1999) Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: ИНФРА – М.
- Штеренберг М.И. (2010) Кризисы и проблемы воспитания // Вопросы философии. № 4. С. 158–167.
- Ewald F. (1989) Die Versicherungs-Gesellschaft // Kritische Justiz Jb.22. Heft 4. S. 385–393.

A CLEAN MORAL SCIENCE: ABOUT THE SELF-JUSTIFICATION OF "FUNDAMENTAL" SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE AGE OF GLOBAL MODERNIZATION

Tatiana Artemova

Author affiliation: Doctor of Economics, Senior Researcher, State Organization "Institute for Economics and Forecasting, NAS of Ukraine", Kyiv. E-mail: vobulimans85@mail.ru.

The article reveals the content of "fundamental" scientific knowledge as a carrier of moral reference points in the global socio-economic transformations. The author comprehends the contribution of the noosphere conception and the legacy of the classical German philosophy in the justification of the worldview principles of free scientific search. The article highlights the creative mission of economic theory as a value stronghold for the modernization of economic practice and formation of a reasonable society corresponding to harmonic institutional architectonics.

Key words: fundamental knowledge, global transformations, economic theory, institutional architectonics

JEL: B410, B490.